

Светлана Кравченко

(Wołyński Narodowy Uniwersytet imienia Łesi Ukrainki, Ukraina)

<https://orcid.org/0000-0003-3225-1771>

Предательство человечности. Красный террор большевиков в Крыму во время гражданской войны 1918–1920 гг. в повести Ивана Шмелева „Солнце мертвых”

Słowa kluczowe: opowiadanie *Słońce martwych*, tragiczne wydarzenia, czerwony terror, autobiograficzny charakter utworu, symbole Słońca i Śmierci

Keywords: novel *The Sun of the Dead*, the tragic events, red terror, autobiographical nature, symbols of the Sun and Death

Иван Шмелев относится к поколению тех „запрещенных” российских художников, которые не приняли большевизм, эмигрировали на Запад и на протяжении всего советского периода не печатались в России. Это писатель, который с особым пристальным вниманием описывал духовные поиски своих героев. Это мастер нравственных приоритетов и высоких духовных ценностей, который в явлениях случайных и незначительных видел „великие смыслы”.

К началу российских революций 1917 г. И. Шмелев был уже известным писателем. События февральской революции в России он встретил с искренней надеждой на демократические изменения, особенно радовался, когда возвращались из Сибири российские политические заключенные. Но большевицкий переворот в октябре 1917-го он не понял и не поддержал. Во время гражданской войны и большевицкой интервенции 1918–1920 годов жил в Крыму, где стал свидетелем страшных сцен голода и разорения еще недавно богатой земли райской красоты. В это же время большевики расстреляли его единственного сына, офицера Добровольческой армии, отказавшегося покинуть Россию вместе с остальными военными армии Врангеля и Деникина. Для писателя смерть сына стала огромным потрясением, которое он с трудом пережил. В 1922 г. по приглашению известного российского писателя Ивана Бунина И. Шмелев уехал во Францию, где и прожил до конца своей жизни.

Повесть „Солнце мертвых” была написана уже в эмиграции в 1923 г. Она принесла автору европейскую славу, была переведена на несколько языков мира. Это произведение – страшное и неумолимое свидетельство преступлений большевиков против человечности. Оно написано на материале реальных исторических событий, происходивших вначале 20-х годов XX в. в Крыму, живым свидетелем которых был сам писатель.

Большевицкую революцию 1917 г. большинство населения Крыма не поддержало. С января 1918 г. началась гражданская война. Уже тогда большевики, а под их видом люмпены и криминалитет начали грабежи и разбои по всей территории Крыма. В ноябре 1920 г. все крымские города были под контролем большевиков. За данными украинских историков только в плен было захвачено около 54 тысячи военных армий Деникина и Врангеля¹.

После окончательной победы большевиков в Крыму начался невиданный доселе массовый красный террор. Была поставлена задача уничтожения „классовых” врагов революции, для осуществления которой развернули сеть так называемых ревкомов, особых отделов, чрезвычайных комиссий и других карательных органов. Они распорядились в обязательном порядке явиться для регистрации всем бывшим военным, полицейским, работникам государственных органов и государственным служащим периода предыдущей власти, священнослужителям, властителям материального имущества. Под видом амнистии или обещанного трудоустройства все, кого квалифицировали как „казак”, „буржуй”, „священник”, „солдат”, „беженец”, были расстреляны. Также были расстреляны или выселены из Крыма их семьи. Только военных Российской армии было казнено около 52 тысяч человек. Всего жертвами красного террора в годы гражданской войны в Крыму историки называют 100–120 тысяч человек². Среди расстрелянных – также сестры милосердия, работающие в Красном Кресте, ученые, писатели, крестьяне.

После расправы с „врагами” народа и повальной продрозверстки в Крыму начался массовый голод, вследствие которого умерло около 100 тысяч человек (15% населения), в основном крестьяне (большинство – крымские татары), у которых советская власть забирала весь урожай.

Об этом страшном в истории Крыма периоде написано очень много исследований российских и украинских ученых, а также опубликованы воспоминания очевидцев этих трагических событий. В частности опубликованы материалы Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний

¹ Політичний терор та тероризм в Україні XIX–XX ст.: Історичні нариси (Київ: Наукова думка, 2011), 3–41.

² Александр Зарубин, Вячеслав Зарубин, Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму (Симферополь: Антиква, 2008), 352; Стефан Куртуа и др., „Гл. 4. Грязная война”, в Чёрная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии = *Le Livre noir du communisme. Crimes, terreur, répression* (Москва: Три века истории, 2001), 103–123.

большевиков „Красный террор в годы гражданской войны”³ и воспоминания очевидцев этих страшных событий⁴, а также работы историков Абраменко Л.М. „Последняя обитель. Крым 1920–1921 год”, Зарубиных „Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму”⁶ и многих других ученых.

Все это Иван Шмелев видел собственными глазами и пережил вместе с другими обитателями Крыма, которым повезло остаться в живых. О его произведении „Солнце мертвых” лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын писал: „Это такая правда, что и художеством не назовешь. В русской литературе первое по времени настоящее свидетельство о большевизме. Кто еще так передал отчаяние и всеобщую гибель первых советских лет военного коммунизма?”⁷.

Повесть от начала и до конца пронизана двумя ключевыми образами – символами: солнца и смерти. Они сопровождают все события и всех персонажей, воплощая высшую степень их отчаяния и гибели. Солнце – это символ южного Крыма, символ тепла, света и жизни, которую оно давало здесь всему живому. Смерть – это символ нового времени, которое наступило с приходом большевиков. И в этом новом времени даже солнце, всегда дающее жизнь, теперь стало служить источником смерти.

Повествование в произведении ведется от первого лица – от автора (лирического героя). Это придает повести черты лирической прозы. Повесть „Солнце мертвых” глубоко автобиографична, однако в ней отсутствуют подробности семейной или личной жизни. Лишь в одном месте во внутреннем монологе героя-рассказчика появляется художественная деталь, которая указывает на то, что его сына уже нету в живых: „Грецкий орех, красавец... Он входит в силу. Впервые зачавший, он подарил нам в прошлом году три орешка – поровну всем... Спасибо за ласку, милый. Нас теперь только двое... а ты сегодня щедрее, принес семнадцать. Я сяду под твоей тенью, стану думать...”⁸.

³ „Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков”, Под ред. докторов ист. наук Юрия. Георгиевича Фельштинского и Георгия Иосифовича Чернявского. Москва, 2004.

⁴ Красный террор глазами очевидцев / Сост., предисл. и комм. д. и. н. Сергея Владимировича Волкова. М.: Айрис-пресс, 2009.

⁵ Абраменко Леонид Михайлович „Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы” (Киев: МАУП, 2005).

⁶ Зарубин Александр Георгиевич, Зарубин Валерий Григорьевич, „Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму” (Симферополь: Антиква, 2008).

⁷ Александр Солженицын, „Иван Шмелев и его „Солнце мертвых”, Новый мир 7 (1998), https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1998/7/ivan-shmelyov-i-ego-solncze-myortvyh-iz-literaturnoj-kollekczii.html.

⁸ Иван Шмелёв, „Солнце мертвых”, в С того берега: Писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30–х гг. Книга первая, сост., авт. вступ. статьи и примеч. Ирина Александровна Курамжина (Москва: Водолей, 1992), 27.

На первом месте впечатления, эмоции, чувства, мысли и переживания героя, вызванные событиями окружающей действительности. Внутренний монолог рассказчика на протяжении всего повествования прерывается фрагментами, в которых появляются другие персонажи, они рассказывают свои истории, герой вступает в диалоги с ними, в некоторых местах его повествование приобретает черты потока сознания.

События, описанные в „Солнце мертвых”, происходят в Алуште – жемчужине южного побережья Крыма. Этот город был известен живописными горными окрестностями – Бабуган-Яйла, Аю-Даг, Демерджи и Чатыр-Даг, скалами Куш-Кая, прекрасными парками и набережными. Одним из таких предместий был Профессорский уголок, где сначала жили и работали геологи, а потом отдыхали и работали в своих дачных домиках известные писатели, ученые, художники. Тут пребывал и автор повести. Отсюда начинается его рассказ о борьбе за выживание, о смерти, о выборе человека в экстремальных условиях существования, о сущности бытия, о новой власти в России.

В повести все построено на контрастах: настоящее противопоставляется прошлому, новая большевистская власть противопоставляется старым порядкам и общепринятым нормам человеческой жизни, духовные ценности – материальным условиям примитивного выживания, прекрасное крымское солнце и роскошная природа – голодному прозябанию и смерти.

Картины „нового послереволюционного” Крыма, образ нового времени, в котором власть советов строит свое „счастливое будущее”, ужасают читателя всеохватывающим чувством неотвратимости катастрофы:

Я знаю, что в виноградниках, под Кастью, не будет винограда, что в белых домиках – пусто, а по лесистым взгорьям разметаны человеческие жизни... Знаю, что земля напиталась кровью, и вино выйдет терпким и не даст радостного забытья. Страшное вписала в себя серая стена Куш-Кай, видная надалеко. Время придет – прочтется [...] Каменистый клочок земли, недавно собиравший жить, теперь – убитый. Черные рога виноградника: побили его коровы. Зимние ливни роют на нем дороги, прокладывают морщины [...] А вот – бельмо на глазу, калека. Когда-то Ясная Горка, дачка учительницы екатеринославской. Стоит – кривится. Давно обобрали ее воры, побили стекла, и она ослепла. Осыпается шугатурка, показывает ребра. А все еще доматываются в ветре повешенные когда-то сушиться тряпки – болтаются на гвоздях, у кухни. Где-то теперь заботливая хозяйка? Где-то⁹.

Состояние гибели и разрушения, которое охватило Крым после прихода большевиков, писатель передает в красках, формах, образах, в звуках, в „мертвой тишине погоста”, в поступках людей. „День ото дня страшнее – и теперь

⁹ Там же, 14.

горсть пшеницы дороже человека”¹⁰ – пишет И. Шмелев. Описания поражают жестокостью и натурализмом реальности: „Мертвое море здесь: не любят его веселые пароходы. Не возьмешь ни пшеницы, ни табаку, ни вина, ни шерсти... Съедено, выпито, выбито – все. Иссякло”¹¹. В криках людей слышны „ревы звериной жизни”, „в городке, подвал... свалены люди там с позелевшими лицами, с остановившимися глазами, в которых тоска и смерть”¹².

Показывая разные аспекты и проявления „коммунистической” реальности, писатель задает риторический вопрос: „Понять не могу, кому и зачем понадобилось все обратить в пустыню, залить кровью!”¹³ и не находит на него ответа. Потому что катастрофа не пришла извне, из чужой земли или от чужого народа. Россия сама породила разрушающую ее стихию.

В памяти лирического героя восстают картины из недавнего прошлого – первых дней новой власти, когда приехали в городок ее исполнители, приехали убивать, доказывать ретивость, показать работу без отказа. Людей убивали и бросали в овраги, в море или зарывали. И. Шмелев рассказывает о страшной человеческой бойне, которую устроили большевики в Крыму, чтобы „сделать человечество счастливым”. „И вот – убивали, ночью. Днем... спали. Они спали, а другие, в подвалах, ждали... Целые армии в подвалах ждали. Юных, зрелых и старых – с горячей кровью. Недавно бились они открыто. Родину защищали. Родину и Европу защищали на полях прусских и австрийских, в степях российских. Теперь замученные попали они в подвалы. Их засадили крепко, морили, чтобы отнять силы. Из подвалов их брали и убивали”¹⁴.

В отличие от других персонажей повести, представители новой власти не имеют имен, лиц, характеров. У всех красные звезды на шапках, всегда пьяные и всегда убивают. Они показаны в произведении обобщенно и собирательно: „Это они, я знаю. Спины у них широкие, как плита, шеи – бычачьей толщи; глаза тяжелые, как свинец, в кровяно-масляной пленке, сытые; руки-ласты могут плашмя убить. Но бывают и другой стати: спины у них – узкие, рыбы спины, шеи – хрящевый жгут, глазки востренькие, с буравчиком, руки – цапкие, хлесткой жилки, клещами давят...”¹⁵.

Писатель их сравнивает то со старьевщиками, то со стервятниками, то с ястребами:

„Раздолье теперь страьевщикам, обновителям жизни! Возят они по ней железными крючками”¹⁶; „А то пропылит на мухростой запаленной лошадке

¹⁰ Там же, 19.

¹¹ Там же, 23.

¹² Там же, 90.

¹³ Там же, 22.

¹⁴ Там же, 41.

¹⁵ Там же, 55.

¹⁶ Там же, 12.

полупьяный красноармеец, без родины – без причала, в ушах шлыке суконном, в помятой звезде красной-тырцанальной, с ведерным бочонком у брюха – пьяную радость везет начальству из дальнего подвала, который еще не весь выпит¹⁷.

Произведение поражает не только ужасающими картинами описанных реальных событий, но и проникновенным лирическим способом их изложения. Все события показаны сквозь призму восприятия писателя – лирического героя, сквозь призму его жизненных приоритетов и моральных ценностей: „Я хожу и хожу по саду, дохаживаю свое. Упора себе ищу?.. Все еще не могу не думать? Не могу еще превратиться в камень! С детства еще привык отыскивать Солнце Правды. Где ты, Неведомое?! Какое Лицо Твое? Не хочу аршина и бухгалтерии... С ними ходят подрядчики и деляги. Хочу Безмерного – дыхание Его чую. Лица Твоего не вижу, Господи! Чую безмерность страдания и тоски...ужасом постигаю Зло, облакающееся плотью. Оно набирает силу. Слышу его зычный, звериный зык...”¹⁸.

Кроме тотального красного террора, одной из главных тем повести является тема голода и борьбы человека за выживание. После массовых зачисток и грабежей в Крыму начинается голод. Голод в свою очередь стает причиной повальных смертей всех живых существ – людей, животных, природы. Смерть преследует фактически всех героев повести: соседей писателя, его знакомых, случайных прохожих, животных, птиц, деревья, растения. Герой-рассказчик, наблюдая события, происходящие в Крыму, в крае, который еще не так давно был краем богатой и роскошной природы, счастливых и трудолюбивых людей, переживает огромное потрясение:

Гудит в моей голове черное слово – „метлой железной”! Откуда оно, это проклятое слово? кто его вымолвил?... „Помести Крым железной метлой...” Я до боли хочу понять, откуда это. Кто-то сказал недавно... Я срываю с себя одолевшую меня слабость, размыкаю глаза... Слепящее солнце стоит еще высоко над раскаленной стеной Куш-Каи, зноем курятся горы. Катит автомобиль на Ялту... Да где же сказка? Вот она, сказка-явь! Пора, наконец привыкнуть. Я знаю: из-за тысячи верст, по радио, долетело приказ-слово, на синее море пало: „Помести Крым железной метлой! в море! Метут”¹⁹.

Сюжет повести „Солнце мертвых” – это процесс постепенного „умирания” всего, что окружало писателя – всех живых существ и природы. Во времени это совпадало с периодом осени и зимы, но осенью природа умирает или засыпает, чтобы весной снова возродиться, а в повести умирание всего живого показано как следствие катастрофы, апокалипсиса, пришедшего

¹⁷ Там же, 25.

¹⁸ Там же, 89.

¹⁹ Там же, 55.

в этот край вместе с новым революционным временем, с новой революционной реальностью.

Писатель постоянно противопоставляет настоящее время, сегодняшнее – прошлому, минувшему. Настоящее – это время голода и смерти, а прошлое – это время светлое, счастливое и благодатное:

Не благостная тишина эта: это мертвая тишина погоста. Под каждой кровлей одна и одна дума – хлеба! И не дом пастыря у церкви, а подвал тюремный... Не церковный сторож сидит у двери: сидит тупорылый парень с красной звездой на шапке, зыкает-сторожит подвалы: – Эй!.. отходи подале!.. И на штыке солнышко играет. Далеко с высоты видно! За городком – кладбище. Сияет на нем вся прозрачная, из стекла, часовня. Какая роскошь... не разберешь, что в часовне: плавится на ее стеклах солнце... Обманчиво-хороши сады, обманчивы виноградники! Заброшены, забыты сады. Опустошены виноградники. Обезлюжены дачи. Бежали и перебиты хозяева, в землю вбиты! – и новый хозяин, недоуменный, повыбил стекла, повырвал балки... повыпил и повылил глубокие подвалы, в кровине поплавал, а теперь, с праздничного похмелья, угрюмо сидит у моря, глядит на камни. Смотрят на него горы... Я вижу тайную их улыбку – улыбку камня²⁰.

Антитеза – „прошлое-настоящее” – пронизывает все произведение. Она отражает прежде всего восприятие событий самим писателем. Автор противопоставляет старых хозяев Крыма и его новых хозяев, когда-то богатую благодатную природу Крыма и современный ему бедный сожженный крымский пейзаж, богатую плодородную в прошлом степь и изможденных голодом современных жителей равнины, минувшую жизнь соседей-дачников Профессорского уголка и их настоящее состояние, богатую буржуазную Европу и революционный коммунистический Крым, прошлое России и ее настоящее:

Париж?! Какой-то Булонский лес, где совершаются предобеденные прогулки в экипажах, – у Мопассана было... – и высится гордым стальным торчком прозрачная башня Эйфеля?! гремит и сейчас: в огнях?! и люди весело и свободно ходят по улицам?! Париж... – а здесь отнимают соль, повертывают к стенкам, ловят кошек на западни, гноят и расстреливают в подвалах, колючей проволокой окружили дома и создали „человечьи бойни”! На каком это свете деется? Париж... – а здесь звери в железе ходят, здесь люди пожирают детей своих, и животные постигают ужас!... На каком это свете деется? На белом свете?!²¹.

В большинстве случаев антитеза образуется в тексте „Солнца мертвых” при помощи ретроспекции. В размеренное повествование о страшных

²⁰ Там же, 22.

²¹ Там же, 29.

буднях вокруг Виноградной балки и Профессорского уголка и их жителей врезаются воспоминания о далеком и не очень далеком прошлом Крыма. Это картины богатой и счастливой жизни крымчан: фермы, переполненные скотом, поля, сады и виноградники, дающие каждый год урожай, которого хватало для всех тут живущих и всех приезжих, трудолюбивые, счастливые, улыбающиеся люди, которые ценили честь, человеческое достоинство, справедливость и труд, любили свою землю и заботились о ней. На фоне страшных описаний разрушенного и разграбленного большевиками Крыма эти картины прошлого выглядят в произведении как утраченный рай земной:

За кустами граба и дубняка виднеется деревянный шпиль и красная крыша разбитой фермы. Недавно шумела молодостью и силой. Помню благодатных коров, бурых и беломордых – Красулек, Полек, томно щурившихся на солнце, с ленцой жующих, когда бойкие бабьи руки позванивали играючи по ведрам. Помню мудрую хлопотню, сверкающие бидоны, громыхающие к закату, когда черная таратайка спускалась с ними, звонко плескавшими. И славных ребяток помню – пузатого мальчугана-трехлетка, обожженного солнцем до черноты, с кусищем пышного ситного в кулачке – убегающего от кур с ревом, и круглолицую голоножку, играющую с телятами. Я и сейчас еще слышу вязкий и острый дух коровьего пота и навоза. Что за благодатная сыть! какое море молочное!.. благодатное какое солнце!.. Иссякло море. Согнали коров во всенародное стойло, и... усохло море молочное...²².

Образ трагического настоящего имеет два аспекта: это огромное количество страшных натуралистических сцен голода и смерти всего живого и череда уродливых обезличенных фигур новых хозяев жизни, жестоких и беспощадных в своих действиях. Современность у И. Шмелева – это руина и пустыня (физическая и духовная), это конец жизни, ад на земле. Все эти метафоры выступают в повести контекстуальными синонимами, поскольку имеют одну общую черту – передают апокалиптический характер происходящего. Даже один из разделов произведения назван „Пустыня“: „Смотрю и вбираю я. Снега синеют, чернеет даль. Нигде огонька не видно. Не было и тогда. Пустыня. Вернулась из дальних далей. Пришла и молчанием говорит: я пришла, пустыня. Я знаю: она пришла“²³.

Другие разделы названы – „На пустой дороге“, „Круг адский“, „Конец павлина“, „Конец Бубика“, „Конец доктора“, „Конец Тамарки“, „Три конца“, последний раздел повести назван – „Конец концов“. Время раскрашено в кровавые, белые и серо-черные цвета, а его символами становятся мертвый камень, железо, кости – „железная метла“ метет чисто, работает без

²² Там же, 110.

²³ Там же, 233.

отказу”, „белеют на солнце кости”, „затекшие кровью живые души, брошенные как сор” и т.д.

Сначала И. Шмелев описывает массовые расстрелы военнопленных Добровольческой армии, потом показывает, как бродили по окрестным холмам их оставшиеся в живых лошади и медленно умирали с голоду:

Я каждый день видел их на холмах – там и там. Они стояли недвижно, мертвые и – живые. Ветер трепал им хвосты и гривы. Как конские статуи на рыжих горах, на черной синеве моря – из камня, из чугуна, из меди. Потом они стали падать. Мне было видно с горы, как они падали. Каждое утро я замечал, как их становилось меньше. Чаше кружились стервятники и орлы над ними, рвали живьем собаки. Дольше всех держался вороной конь, огромный, – должно быть артиллерийский. Он зашел на гладкий бугор, поднявшийся из глубоких балок, взшел по узкому перешейку и – заблудился. Стоял у края. Дни и ночи стоял, лечь боялся. Крепился расставив ноги. В тот день дул крепкий норд-ост. Конь не мог повернуться задом, встречал головой норд-ост. И на моих глазах рухнул на все четыре ноги – сломался. Повел ногами и потянулся... Если пойти на горку – глядеть на город, увидишь: белеют на солнце кости. Добрый был конь – артиллерийский, рослый...²⁴.

После этого большевики коварно расправились и с теми, кто не захотел уехать из России, но и не поддержал их власть, с теми, кто ушел с оружием в горы.

Их поймали заманкой: объявили – прощение. Они спустились с оружием – своей честью – почерневшие и худые, с тревожно-сверкающими глазами застигнутой горной птицы. [...] Потом их забрали ночью. [...] Может быть, тут же, на берегу, их жены, матери... или из деревень горных видят черную лодочку на море и не чувят. Радуются прощению, ждут: власти нельзя не верить. Слезы выплаканы давно. Теперь – ослепнут. Так ослепла старая татарка, над которой сжалились осенью, отдали задыхающееся тело ее офицера-сына, забитого шомполами. Она вымолила его, выбила головой у камня, в ногах у палачей была. – Теперь можешь везти! – сказали. И она, счастливая, на горной глухой дороге целовала его в погасающие глаза, приняла его вздох на родных коленях. Глухие буковые леса слушали ее тихий плач – да камни. Да старик возница, сосед-татарин, тер кулаком глаза. – Не плачь, горькая женщина, – сказал он. – лучше своя земля²⁵.

Затем в повести идет чередой галерея смертей практически всех обитателей Профессорского уголка и его окрестностей. Шмелев рассказывает о гибели старичка – отставного казначея из соседской белой дачки.

²⁴ Там же, 51.

²⁵ Там же, 104–105.

Люди с красными звездами его арестовали и расстреляли только за то, что ходил в старой царской погонной шинели, донашивал. Потом показывает, как в белый домик под Кастелью ночью пришли „рожи в саже. Повернули женщин носами к стенке: не подымать крику! Только разве Кастель услышит... Последнее забрали: умирайте. А на прощанье ударили прикладом: помни!”²⁶. После этого старик доктор рассказывает о том, как похоронил старуху няню, сына и жену. Писатель показывает, как на его глазах умирает с голоду старая кляча, одна за другой падают маленькие индюшки, гибнет павлин. Автор вспоминает, как расстреляли властителя фабрики консервов: „Тот самый Шишман, которого расстреляли по дороге. Валялся в пыли, на солнце фабрикант консервов в сюртуке и манишке, с вырванными карманами, с разинутым ртом, из которого они выбили золотые зубы...”²⁷.

Потом умирает сосед профессор, доктор и его жена, учитель, дети, на руках у матери умирает от голода грудной ребенок. Гибнут даже те, кто грабили. Каждая деталь окружающего пейзажа напоминает писателю о насильственной мученической смерти. Два телеграфных столба стоят на бугре – и даже они становятся свидетелями страшных сцен:

Здесь расстреляли на полном солнце только что накануне вернувшегося с германского фронта больного юнкера-мальчугана, не знавшего ни о чем, утомившегося с дороги. Сволокли сонного, привели на бугор, к столбам, поставили, как бутылку, и расстреляли на приз – за краги. А потом опять пили, жрали баранину и спали по кустам с девками. Пьяными глотками выли „тырнационал...”²⁸.

С особым пристальным вниманием к художественным деталям нарисованы в повести женщины и дети. Их судьбы волнуют и трогают до глубины души, их беззащитность перед лицом беспощадного времени неумолима: „Там, на свалке, в остатках от „людоедов”, рожются дети и старухи, ищут колбасную кожицу, обгрызанную баранью кость, селедочную головку, картофельную ошурку...”²⁹. Писатель показывает самоотверженность женщин-матерей, которые любыми способами пытаются спасти от голода своих детей. Он восхищается чистотой и моральной стойкостью этой самой слабой части человечества, плачет над трагизмом их судеб, подавлен безысходностью их конца.

И. Шмелев показывает, как страх смерти и голод превращают людей в бессознательные существа, практически в животных, отбирают у них разум, совесть, душу, рассудок, честь и мораль. В этой борьбе за выживание душа человека – то, что его отличает и возвышает над животным миром – постепенно превращается в камень. Кто-то стает сумасшедшим, кто-то убийцей,

²⁶ Там же, 54.

²⁷ Там же, 107.

²⁸ Там же, 110.

²⁹ Там же, 201.

кто-то грабителем или лжецом. Даже самые стойкие делают алогичные или безрассудные поступки, теряют рассудок. Один из таких – „чумовой татарин”. У него не было чем кормить своего коня, и он в исступлении просил каждого встречного забрать коня, чтобы спасти его. Никто не мог забрать коня, никто не соглашался, и татарин в отчаянии ходил от дома до дома. Наконец нашелся человек, который забрал коня и дал ему за это шесть фунтов хлеба. Люди недоумевали, почему татарин не смог убить коня и кормить его мясом семью. „А может, ему своего коня жалко было?.. – Коня жалко?! Как коня жалко, раз за шесть фунтов хлеба отдал?! Лупоглазый... Жалко?! А просто... голову потерял от страха!.. Воистину – голову потерял чумовой татарин”³⁰ – пишет И. Шмелев.

Погибает и рушится всё и все вокруг, остается пустыня, и только яркое крымское солнце неизменно светит над всем этим – солнце мёртвых.

Книга „Солнце мертвых” – это одна из самых трагических книг в мировой литературе. Это книга-реквием по человечеству, это страшная история выживания человека и человечности в предельной ситуации, когда выжить, устоять, не одичать и не озвереть посчастливиться только единицам. Почти все критики творчества писателя единогласно повторяют одну и ту же цитату известного немецкого писателя Томаса Манна о повести „Солнце мертвых”, которая передает всю глубину трагизма и бесчеловечности описанных событий: „Прочтите это, если у вас хватит смелости”³¹.

В сюжете произведения, который фактически состоит из историй смертей, эпизодов „созидания нового мира” и раздумий писателя над происходящим, встречается только одна удивительная история жизни, поражающая своим исключением из правил. Это история жизни молодого писателя с нежной и чуткой душой, мечтающего писать о чистом и ясном. Этому человеку за его короткую жизнь пришлось пройти такие страшные испытания, „что хватит и на сто жизней”³². Он служил солдатом в пехоте на германском фронте в Первую мировую войну. Попал в плен, из которого три раза бежал, голодным переплывал реки, блуждал лесами. Последний раз дошел до самой линии фронта и был ранен своей же пулей. Его узнали за шпиона, но чудом не расстреляли. Сначала подвесили за скрученные руки на столбе и пытали, а потом опустили в шахты, где морили голодом. Вместе с десятком пленных его засыпало взрывом и он единственный остался в живых. После долгих месяцев больницы по обмену пленными вернулся в Россию, поступил на службу по сердцу – подбирал беспризорных детей-сирот. Его арестовали казаки, как комиссара, но вновь его спасло чудо – проходивший мимо офицер узнал в нем бывшего взводного

³⁰ Там же, 235.

³¹ Иван Шмелев, Солнце мертвых, http://lib.ru/RUSSLIT/SMELEW/shmelev_sun.txt [dostep: 9.04.2002].

³² Шмелёв, Солнце мертвых, 112.

с германского фронта. Он перебрался в Крым к своей семье, где его забрали в Добровольческую армию и как нестроевой служил при комендатуре. После поражения не захотел бежать за границу и его арестовали большевики. Перед расстрелом он показал кому-то свою маленькую книгу рассказов и рассказал свою жуткую историю жизни – и пьяный палач его отпустил. Но большевики приказали шарить по дачам, отбирать у людей добро для начальства, предложили стать коммунистом и ответственную должность, „но он подал заявление о болезни и, наконец, получил свободу. Теперь он мог ходить по садам – работать за полфунта хлеба и писать рассказы”³³. Это единственный персонаж, который показан в этой трагической ситуации „неописуемо счастливым”. И. Шмелев подчеркивает, что несмотря на опухшее и желтое от голода лицо, он был счастлив, потому что жил, видел солнце и землю, был рядом со своими близкими и мог писать. Он не мыслил, а только чувствовал „радость жизни”, в которой смерть четыре раза заглядывала ему в глаза.

Только один-единственный раз в тексте произведения появляется образ будущего, которое придет после этого кровавого настоящего. Слова И. Шмелева, написанные в 1923-м, сейчас поражают нас своим трагическим пророчеством: „Тысячи мастеров запечатлеют картины их „отхода” – на экранах, тысячи лживых и рабских перьев задрезают, воспевая хвалу – Великому! Тысячи венков красных понесут рабы к подножию колесницы. Миллионы рваного люда, согнанного с работ, пропоют о „любви беззаветной к народу”, трубы будут играть торжественно, и красные флаги снова застелят глаза вам лестью – вождя своего хороните!”³⁴.

Писатель показывает, что пустыня, в которую превращается когда-то роскошный и богатый край, это не кара Божья за сознательные и несознательные грехи человека. Рождающаяся пустыня – это творение рук человеческих, это следствие грозной разрушительной темной силы – созидателей новой жизни. Описывая действия большевиков, Шмелев не скрывает своей иронии, которая проявляется как в интонации повествования, так и в подборе лексики. Однако в этих фрагментах всегда доминирует боль и горечь человека, который не в силах все это остановить: „Иду мимо „Виллы Роз”. Все – пустыня. Городишка вымер. Ветер чисто подмел шоссе, все подсолнушки вымер в море. Гладко оно под береговым ветром, и только в дальней дали чернеет полоса шторма. Пустынной набережной иду, мимо пожарища, мимо витрин, побитых и заколоченных. На них клочья приказов, линючие, трещат в ветре: расстрел... расстрел... без суда... на месте!.. под страхом трибунала... Ни души не видно. И их не видно. Только у дома былой пограничной стражи

³³ Там же, 114.

³⁴ Там же, 152.

наохлившийся, со звездой красной, расставив замотанные ноги, пощелкивает играючи затвором”³⁵.

Лирические отступления переплетаются в повести с публицистическими фрагментами, в которых писатель пытается осознать происходящее сквозь призму судьбы России, судьбы человека и человечества, с позиций вечных ценностей. Тема голода разветвляется на ряд мотивов и проблем, среди которых мотивы жизни и смерти, добра и зла, человечности и жестокости, верности и предательства и мн. др. Текст „Солнца мертвых” наполнен огромным количеством явных и скрытых реминисценций. Он имеет огромный философский подтекст, который присутствует в самом названии повести, в образе солнца, которое служит своеобразным стержнем всего повествования от начала и до конца. Автор повторяет слово „солнце” в разных контекстах более, чем сто раз, и можно проследить эволюцию этого образа. Вначале это солнце „наше”, „сияет голубым фиолетом”, „смеется”, „играет”, „плавится”, „пишет свои полотна”, „поет”, „заглядывает в душу”. Потом в глазах умирающей от голода индюшки Торпедки оно стает „холодное и пустое”, „оловянное”, „солнце смерти”. В последних разделах – „выплеснет бледной жестью”, „тощее”, „больное. мертвое”, „солнце смеется мертвым”. Солнце – источник тепла и света, источник жизни. В повести оно заполняет все пространство желто-золотистым цветом. Однако у некоторых народов, особенно восточных, желтый цвет символизирует смерть. И в произведении Шмелева образ солнца имеет философскую многозначность.

Писатель определил жанр своего произведения как эпопея, хотя оно не имеет традиционных характеристик жанра эпопеи. И в этом, как и во всем остальном, отражено отношение и оценка писателя всего того, о чем он написал. И. Шмелева волновала дальнейшая историческая судьба его родины. Слова лжи и лести лозунгов и обещаний большевиков заманили людей в ловушку, разграбили и убили всех лучших их представителей, растоптали душу человеческую, уничтожили все основы их жизни, превратили край в пустыню. Он видел и чувствовал в происходящем переломный момент, определяющий будущее его родной земли на долгие годы вперед.

Эмоционально и чувственно произведение „Солнце мертвых” переполнено пессимизмом и катастрофизмом. На протяжении всего повествования умирают почти все вокруг героя-рассказчика: люди, животные, птицы, деревья, растения. Умирают даже те, кто представлял новую власть. Исчезают сады, огороды, гибнут деревья, высыхают травы – вся природа. Вокруг пустыня, истинный конец света. Эту метафору писатель несколько раз повторяет в своей повести, чтобы подчеркнуть масштабы разрушительной деятельности большевиков. После последнего раздела „Конец концов” И. Шмелев завершает свое произведение коротким эпилогом, в котором показывает

³⁵ Там же, 200.

приход весны и медленное пробуждение природы, песню дрозда, которую он слышит „в последний раз”. В этом мире, где человек сам себя уничтожает, вечна только природа, которая живет и будет жить даже вопреки пустыне, которую сотворил человек.

Svetlana Kravchenko

Betrayal of humanity. The red terror of the Bolsheviks in Crimea during the civil war in 1918–1920 in the light of Ivan Szmielev’s novel “The Sun of the Dead”

The article analyzes the novel by the Russian writer Ivan Szmielev “The Sun of the Dead” (1923). It was written on the basis of historical events. I analyze the composition of the work, which is based on two symbols – the sun and death. The sun symbolizes the rich and beautiful Crimea, and death is a symbol of the new power – the power of the Bolsheviks who destroyed this wonderful land of Crimea. The author of the article emphasizes the autobiographical nature of the story “The Sun of the Dead”. Its narration is based on a first-person story by Ivan Szmielev. This is a feature of lyrical prose. Describing the tragic events of total red terror, hunger and the struggle for survival, Ivan Szmielev shows that death affects everyone – people, animals, birds, trees, plants. The author of the article also emphasizes the philosophical and humanistic aspect of the work, which shows the history of humanity and human survival in an extreme situation, when very few are lucky enough to resist and not become victims of brutal murders of the Bolsheviks or starvation. In the process of the story, the image of the desert appears – a metaphor with which the writer emphasizes the scale of the destructive activity of the Bolsheviks.